научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 123.1; 340.12

МЕРА И ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ

ПИВОЕВ Василий Михайлович

доктор философских наук,
профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста РФ),
Петрозаводск, Российская Федерация, pivoev@mail.ru

Ключевые слова:
свобода
мера
инстинкты
душа и дух
морфология свободы
воля (мотивация) к свободе
(те-лесная и духовная)
мера и границы свободы

Аннотация:
Что побуждает человека к свободе и в то же время ограничивает эту волю? Можно ли гово-рить о мере свободы, и если можно, то какими мерами ее можно измерить? Речь может идти не о рационально-количественных мерах, о об иррационально-аксиологических. Эта мера варьируется в диапазоне от абсолютной свободы, чреватой анархией и деструктивностью, до полного подчинения и рабства, на основе осознания нормативных границ необходимости и возможностей: энергетических, правовых, моральных, деонтологических и др. Количе-ственная мера свободы может быть определена на основе «золотой пропорции».

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 апреля 2023 года Опубликована: 29 мая 2023 года

Введение

Проблема свободы относится к числу особенно важных для понимания сущности человека. Этим обусловлено огромное количество попыток рассмотреть эту тему с разных точек зрения, которые невозможно перечислить. Можно ли говорить о свободе с точки зрения «меры»? Можно ли ее измерить? Если да, то какой мерой? Конечно, не рационально-количественной, но лишь иррационально-аксиологической (эмоциональной). При этом необходимо учитывать морфологию свободы: позитивную (*для*) и негативную (*от*); деструктивную и конструктивно-творческую; телесную (физическую) и духовную; бессознательную и сознательную (целесообразную); пассивную (лень) и активную (продуктивную); потребительскую и благотворительную.

Проблема свободы многогранна, ее можно рассматривать в следующих планах:

– свобода воли;
– свобода действия;
– свобода выбора;
– свобода желания (хотения);
– свобода тела и свобода от тела;
– свобода и принуждение (причинение);
– воля к свободе.

Среди них выделяются свобода физическая и духовная. Первая имеет источником так называемый «рептильный мозг» и эгоистичные инстинкты выживания, направленные на обеспечение безопасности и благополучия тела. Легко заметить, что такая свобода чревата деструктивностью и может стать источником различных форм зла. Вторая связана с потребностями социально-духовного развития во взаимодействии с социумом.

Особенно много вопросов возникает в связи с проблемой меры (или степени) свободы. Свобода *от*

произвола чиновников, необоснованного ареста, ущемления прав; свобода *для* творчества, самореализации, производства, потребления, передвижения, слова, печати, собраний и митингов. Свобода делать все, что заблагорассудится, что не запрещено законом.

По мнению Т. Гоббса, любое изменение в мире вызвано движением вещества, обусловленного давлением и толчком соприкоснувшихся тел. Жизнь человека – это цепь механических процессов, источником которых служат достаточные материальные причины. При столкновении разных причин победу одерживает более сильная.

Супранатуралистический детерминизм связан с учением о воле Божией, которое изложил Мартин Лютер в трактате «О рабстве воли» в споре с Эразмом Роттердамским. По убеждению Лютера все события в мире предопределены Божьей волей. Свобода чревата гордыней, соблазном самоутверждения через свободное творчество, доступное лишь Богу.

Представления о психологическом детерминизме придерживался Т. Липпс, который разделял представление о причинности, причем к причинам он относил и «хотение» индивида, и «мировой дух». Свободой он считает поведение, источником которого являются собственные мотивы индивида, или «внутреннюю причинность». Говоря иначе, «человек свободен в той степени, в какой он сам является виновником своих поступков» [12; с. 346].

Главный недостаток детерминизма, по мнению Н. О. Лосского, – отрицание положительного понятия свободы. С большими оговорками детерминистами допускается лишь отрицательная и относительная свобода [14; с. 42].

Размышляя о границах свободы, либеральный философ Джон Стюарт Милль сформулировал тезисы, что «единственная цель, ради которой сила может быть правомерно применена к любому члену цивилизованного общества против его воли, – это предотвращение вреда другим» и «всякий человеческий поступок есть результат сочетания мотива и эмпирического характера данного человека» [14; с. 56]. При этом воля не зависит от причинности (поскольку причинность проявляется лишь в материальном плане), поэтому она (воля) свободна. Но С. А. Левицкий полагал, что «абсолютная свобода есть возможность всего» [11; с. 84]. Реализацию свободы он связывал с проблемой возможности, которую он делил на субъективную и объективную. Субъективная возможность воплощается в предположениях и прогнозах перспектив развития событий. Объективные возможности – это реальный выбор известных нам перспектив. При этом объективная возможность может быть двух видов: логическая и онтологическая. Первая возникает согласно логической непротиворечивой обусловленности, вторая – потенциальная возможность, которая может стать реальной. «Свободой, – писал А. Бергсон, – называется отношение конкретного я к совершаемому этим я акту. Это отношение неопределимо именно потому, что мы свободны. В действительности анализировать можно протяженность, но не длительность. Если же их все-таки пытаться проанализировать, то развитие при этом бессознательно превращается в вещь и длительность в протяженность. Стремясь только разложить конкретное время на части, тем самым уже развертывают его моменты в однородном пространстве; на место совершающегося факта ставится уже совершившийся факт, и благодаря такому сгущению активности моего я спонтанность разрешается в инертность, свобода в необходимость. Вот почему всякое определение свободы должно привести к детерминизму» [3; с. 557–558].

В английском языке, на котором писалось международное право, свобода толкуется не однозначно, а во взаимосвязи трех аспектов: сначала диаметрально противоположные freedom и liberty. Для созидательной, упорядочивающей и организующей деятельности – freedom (ключевое слово – «должен»), для анархически-разрушительной свободы – liberty («хочу»). Но для обеспечения свободы необходима possibility («возможность»).

Государству нужны законопослушные, дисциплинированные, исполнительные граждане, а обществу – творческие, инициативные, свободные люди. Когда эти потребности в равновесии – то все хорошо, обеспечивается стабильность и развитие. Но если происходит нарушение в пользу чрезмерной роли государства, то рано или поздно в обществе рождается и зреет протест, приводящий к бунту и взрыву. В. фон Гумбольдт писал: «истинный разум не может желать человеку никакого другого состояния, кроме того, при котором не только каждый отдельный человек пользуется самой полной свободой, развивая изнутри все свои своеобразные особенности, но и физическая природа обретает в руках человеческих ту форму, тот образ, который произвольно придает ей каждый человек в меру своих потребностей и наклонностей, будучи ограничен только пределами своей силы и своего права» [6; с. 33]. С другой стороны, если государство слишком слабо и допускает гражданам слишком много «свобод», то растет преступность и анархия. «Русскому человеку, – писал Б. Н. Чичерин, – невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и

выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития» [22; с. 29]. Поэтому важнейшая задача философии права – определить *меру* этого равновесия.

Большой интерес к проблеме свободы проявляли романтики, которых подтолкнула к этому Французская революция, также пытавшаяся найти практический ответ на вопрос о сущности и границах свободы. Как показала практика, в физической жизни потенциал свободы ограничен, поэтому романтики стали исследовать, испытывать возможности проявлений свободы в сфере духа, поэтического и музыкального творчества. При этом обнаружился разрыв между эстетической свободой и нравственностью, ибо наиболее свободными героями в произведениях романтиков оказались тираны, пираты и сам Сатана. Романтическая эстетизация зла обернулась в XX в. зловещим «стальным романтизмом», «поэзией» мотоциклов и пулеметов (Ф. Маринетти) и гитлеровскими фабриками смерти.

Вопрос о мере свободы связан с двумя проблемами: во-первых, каковы границы свободы; во-вторых, каковы единицы измерения параметров свободы. При первом приближении на вопрос о мере свободы самый простой ответ такой – право есть мера свободы. То есть свобода одного человека не может ущемлять прав другого человека на свободу. Но такой ответ не исчерпывает проблемы, остаются вопросы: что влечет человека к свободе и к несвободе? не является ли свобода лишь иллюзией? является ли воля бессознательной или осознанной? зачем нужна свобода? где истоки соблазнов свободы и несвободы? каковы мера и границы воли и свободы? каковы границы контроля государства за жизнью граждан?

Результаты исследования и их обоснование

Воля к свободе имеет два источника: 1) бессознательный инстинкт, требующий удовлетворения насущных потребностей индивида вне зависимости от возможных препятствий; 2) сознательное усилие по достижению определенных целей в соответствии с планом и важнейшими смыслами существования.

Психологи под силой воли понимают внутреннюю энергию, которая проявляется в способности отказаться от соблазнов, в умении сдерживать инстинктивные реакции, не допускать импульсивных необдуманных поступков. Волевое действие включает в себя осознанные цели, согласованные общими смысложизненными установками, выбор путей, способов и средств их достижения, преодоление препятствий на пути к ним, оценку результатов и корректировку дальнейших действий.

Сила воли опирается на характер, сформировавшийся под влиянием наследственных качеств, воспитания в семье и самовоспитания. Родители должны помочь ребенку выработать потребность и способность формирования и накопления волевой энергии, а также форм ее реализации: инициативность, дисциплинированность и ответственность (за возможные последствия реализации инициативы).

Воля есть функция субъекта «я». У человека можно обнаружить двух субъектов два субъекта?: во-первых, это телесный субъект в виде нервной системы, функционирующий на основе программы инстинктов («душа тела»); во-вторых, духовный субъект («душа духа»), воплощающий сознание и самосознание. Они решают взаимосвязанные, хотя и не всегда совпадающие задачи, что может привести к конфликтам между волевыми импульсами и мотивами поведения. Тело может требовать одного, сознательный субъект – другого (иногда противоположного).

Волю психологи подразделяют на:

– *Естественную* – произвольную (спонтанную, анархическую), ведущую к устранению любых препятствий при реализации своих потребностей и прихотей.

– *Свободную* – сознательное управление собственной энергией для реализации поставленных задач, смыслов и целей существования.

– *Необходимую* – вынужденную мобилизацию всех сил на преодоление экстремальных обстоятельств.

Различие воли и свободы показано в таблице 1.

Таблица 1

Воля	***Свобода***
Целеустремленная духовная (психическая) энергия	Спонтанная духовная энергия
Источник хотения – потребность	Источник свободы – воля
Самомотивация, целеполагание	Произвольность
Самоконтроль	Бесконтрольность
Самоуправление, подчинение	Отрицание причинности
Исполнение, выполнение предписанного действия	Действие: творчество и разрушение

Свободой полагают право и возможность выбора способов и целей деятельности в диапазоне

между двумя крайностями: 1) причинная детерминированность и подчинение чужой воле (рабство); 2) полный произвол и спонтанность в реализации своих желаний (анархия).

Дж. Милль задавал вопрос о пределах власти общества и государства над индивидуумом. Если человек ведет себя не считаясь с интересами других, проявляя «жестокосердие, злонамеренность, злословие, зависть – самая антисоциальна и самая гнусная из всех страстей, скрытность и неискренность, раздражительность без достаточного основания, мстительность, несоответствующая причиненному злу, страсть господствовать над другими, желание захватить себе большую долю благ, чем какая следует, πλεονξιασ (чрезмерная) гордость греков, находящая удовольствие в унижении других, эгоизм, которая себя и свои интересы ставит выше всего и все сомнительные вопросы решает в пользу своих интересов, – все это суть нравственные пороки, которые образуют дурной, ненавистный нравственный характер» [17; с. 357]. В таких случаях общество вправе применять к такому человеку меры социального осуждения и «остракизма», отказывая ему в уважении и признании.

Таким образом, Дж. Милль предложил два правила по отношению к поступкам и поведению индивида: «1) индивидуум не подлежит никакой ответственности перед обществом в тех своих действиях, которые не касаются ничьих интересов, кроме его собственных. Советовать, наставлять, убеждать, избегать сношений, когда признает это нужным для своего блага, – вот все, чем общество может в этом случае справедливо выразить свое неудовольствие или свое осуждение; 2) в тех действиях, которые вредны для интересов других людей, индивидуум подлежит ответственности и может быть справедливо подвергнут социальным или легальным карам, если общество признает это нужным» [17; с. 372].

З. Бауман выделяет два класса ограничений свободы: 1) внешние ограничения со стороны государства; 2) «внутренние», связанные с моральными, культурными традициями, идейными установками и привычками [2; с. 19]. При этом возникает вопрос: является ли человек собственностью государства? Такая постановка вопроса считается некорректной, обычно акцент делается на долге гражданина по защите своего Отечества и исполнению других обязанностей. На этот вопрос одни отвечают, что государство «владеет» человеком именно посредством морального, гражданского и правового долга. Границы и мера такого подчинения индивида государству определяются законами. Другие же, например, либертарианцы, утверждают, что человек имеет право на полную свободу от государственного «насилия», поскольку жизнь человека (его тело) принадлежит только ему, индивиду? Можно также вспомнить по этому поводу идеи Л. Н. Толстого о сопротивлении насилию в любых формах.

Оба полюса чреваты негативными последствиями, поэтому в реальном существовании индивид ищет какой-то промежуточный вариант, считаясь с этими крайними границами свободы. Определенное влияние на эти ограничения оказывают правовые, нравственные и религиозные нормы. Так, ислам рекомендует своим адептам максимальное подчинение «воле Аллаха». Католическая церковь налагает значительно меньшие ограничения на свободу своих верующих. Еще слабее ограничения в православной религии. В протестантских конфессиях этот вопрос решается не столь однозначно. Одни богословы (М. Лютер, Кальвин) «планку ограничений» подымали очень высоко, другие же ограничивались доверием внутренним религиозным убеждениям («оправдание верой»). Свобода существует не вне сферы причинности, но в преодолении причинных зависимостей.

При осмыслении свободы важное значение имеет вопрос об ответственности, включающей три условия: 1) осознанное намерение; 2) осознание последствий и свободный выбор; 3) исполнение деяния, повлекшее наступление последствий позитивных или негативных для общества [5; с. 17]. Если эти условия являются необходимыми и достаточными для определения ответственности, то разумно ли говорить об ответственности за мысль? Можно ли мысль как феномен субъективной реальности считать преступлением? Правомерно оценивать ее так лишь тогда, когда она озвучена или записана и стала достоянием публики. При этом она (эта мысль) стала деянием, стала объективной реальностью.

Детерминизмом называют однозначную причинную предопределенность всех событий, которая не допускает свободного произвола воли субъекта действий. Но тогда снимается ответственность и вина за последствия деяний. «Физикализм – это убеждение в том, что у всех событий в мире есть только физические причины, а событийный каузализм – тезис о том, что причинами событий могут быть только другие события. Детерминизм исключает альтернативные возможности, физикализм – ментальную каузальность, а событийный каузализм – связь личности и действия. Три эти философские концепции, как может показаться, подрывают условия реализации свободы и ответственности» [5; с. 338].

Побуждение к свободе может быть:

– инстинктивное (бессознательное): инстинктивная, бессознательна воля реализует программу

«рептильного мозга», подчиненная задачам обеспечения безопасности и благополучия того тела, в котором она, эта воля «обитает» или действует;

– реактивное (ответ на препятствия и стимулирующее воздействие);

– осознанное (целесообразное).

Тело человека детерминировано инстинктивной причинностью, при которой свободе для адаптивности оставлен минимальный простор. Душа более свободна, она ограничена лишь социальным нормами ответственности, морали и права. Максимально свободен дух, который подчиняется только Богу (о чем писал Гегель). При этом в разных религиозных учениях степень подчинения не одинакова. Максимальный уровень принят в исламе, минимальный – в протестантизме. Почему свободный выбор вероисповедания называют «свободой совести»? Такой обычай возник с определением совести как «голоса Бога в душе» человека.

Детерминизм не учитывает мотивационного значения долженствования. Как справедливо указывал Н. О. Лосский, «то, что я признал своим долгом, может противоречить строю общества, в котором я живу, и даже окружающей меня материальной природе; тем не менее, считая себя существом свободным, не поддаюсь природе и во имя долга стремлюсь всеми разумными способами творчески преодолеть строй сущего. “Ты должен, значит, ты можешь”, вот замечательный афоризм, в котором Кант выразил господство долга над действительностью, превосходство идеала над природой. Такое понимание долга предполагает свободу» [14; с. 43].

Последовательность действий (поведения и деятельности при удовлетворении потребностей) человека включает следующие ступени: потребность – мотивация – интерес – поисковый вопрос – осмысление – определение цели – выбор способов и средств – действие – контроль результатов и следствий (корректировка при необходимости).

Среди условий свободного выбора необходимо выделять «необходимость (потребность) и «возможность». Об этом писали стоики: нужно различать то, что от нас зависит и то, что от нас не зависит. С первыми феноменами мы можем справиться, они в сфере наших возможностей и мотивационного выбора. Вторые же – вне нашего контроля, их нужно смиренно (или мужественно) принимать, подчиняясь их причинному принуждению.

Арабский теолог и философ Абу Хамид ал-Газали обнаруживал в разуме четыре основания: во-первых, «это то качество, которым человек отличается от всех животных, с его помощью человек подготовлен к восприятию умозрительных наук и знаний, к овладению сложными мыслительными ремеслами»; во-вторых, «это те знания, которые проявляются в существе ребенка, различающего возможность возможного и невозможность невозможного, как, например, знание того, что два больше, чем один, или что человек не может находиться одновременно в двух местах»; в-третьих, «это знания, которые черпаются из опыта в том, как протекают ахвал[1]. Того, кто научен опытом и жизнью, называют обычно разумным; про того, кто этим не отличается, говорят: дурак, неопытный, невежда. Это другой вид знаний, который тоже зовется разумом»; в-четвертых, «сила этой способности завершается тем, что человек познает последствия действий, подавляет в себе желание, зовущее к скоротечным наслаждениям. Обладающий такой способностью зовется разумным, так как его смелость или воздержанность связаны с предугадыванием возможных последствий, а не вызваны быстротечными страстями. Этим качеством человек также отличается от всех животных» [1; с. 92–94] Первые два – природные, остальные – приобретенные в опыте. Именно эти качества позволяют делать разумный свободный выбор в жизненных ситуациях.

Вместе с тем Г. Лотце обратил внимание на важную особенность души человека, которая «наделена той счастливой непоследовательностью, что способна бесподозрительно держаться в одно и то же время двух разных мысленаправлений, не ощущая того противоречия, к какому придут они напоследок, не всегда, конечно, в очевидной близи» [15; с. 307]. Аксиологические отношения у Лотце имеют ориентацию на «вечное» и на чувство «внутренней ценности»: «Если эти попытки нашего духа объяснить себе мир форм из мира внутренних ценностей соответствуют воспроизводящей деятельности фантазии, которая силится воссоздать действительность из ее же собственной красы, как художественно-зиждущей силы, то рядом с художественным порождением прекрасного становится и нравственно деятельный разум» [15;. с. 309].

Система важнейших ценностей не всегда полностью осознается, но оказывает нередко решающее влияние на выбор. Такое воздействие мы называем «аксиологикой, логикой ценностной обусловленности, которая объясняет работу творческого воображения исходя из сопоставления опыта, накопленного в памяти материала, системного осмысления мира и ценностных установок, целей и смыслов жизни и деятельности человека, которые оказываются «фильтрами предпочтения»,

влияющими на работу воображения. Аксиологика является некаузальной логикой, потому что в ней отсутствует однозначная детерминация. Здесь смысловая ткань многомерна и участвуют целостные духовные явления. Нами предложен существенно иной подход к пониманию логики воображения, связанный с системой ценностных ориентаций человека, обозначенный термином «аксиологика» или «логика ценностной обусловленности», принципиальное отличие которой от обычной, формальной логики заключается в том, что она может «не замечать» противоречий, поэтому один из важнейших законов аксиологики – «отождествление желаемого с действительным» в соответствии с потребностью в иллюзиях.

Как справедливо полагали Н. А. Васильев [4; с. 53–81] и польский логик Я. Лукасевич [16; с. 190–205], двузначность формальной логики не всегда может адекватно описать свободный выбор. В дополнение к альтернативе «да/нет» нередко появляется третий вариант – «возможно», «вероятно». Чем обусловлен третий путь? Недостатком информации, парадоксом «буриданова осла», аксиологикой, изменяющимися обстоятельствами, моральными или религиозными мотивами, угрызениями совести и т. п. Значение аксиологики в решении проблем свободы обусловлено:

– инстинктивной волей;

– сознательной волей;

– интуитивной волей;

– аксиологически обусловленной волей (смысл и цели);

– подчинением долгу.

Н. О. Лосский указывал на три точки зрения на свободу воли: 1) отрицательную («отсутствие зависимости какой-либо деятельности или деятеля от какого-либо условия»); 2) относительную (свобода в одном отношении и несвобода в другом); 3) положительную (Гоббс: свобода хотения и свобода действия) [14; с. 8–9]. Он сравнивал три вида детерминизма: материалистического, психологического и супранатуралистического [14; с. 23]. Как показывают исследования психологов, отрицание свободы воли провоцирует агрессивность и ослабление чувства ответственности за совершаемые проступки [5; с. 342].

Другая проблема связана с искушениями несвободы. Английский социолог Р. Дарендорф рассматривал в своей книге «Соблазны несвободы» поведение известных (публичных) интеллектуалов в кризисные периоды XX века. При этом он выделил две группы. Одни из них не смогли устоять перед лицом опасностей и пожертвовали своими убеждениями, покупая те самым себе относительную защищенность. Другие, следуя примеру Эразма Роттердамского, предпочли рискнуть, защищая и сохраняя свободу убеждений и принципов. Таких Дарендорф называет «эразмийцами» [8; с. 6]. В числе первых он называл М. Хайдеггера, для которого «соблазн национал-социализма» был связан с надеждой на то, что он поможет спасти и возродить немецкую нацию. Об этом он говорил, вступая в должность ректора: «Немецкая действительность должна быть полностью изменена национал-социалистическим государством, вследствие чего весь наш прежний способ понимать и мыслить также сменится другим…Три вида связей – *через* народ, с судьбой государства в духовной миссии – для немецкой сущности *равно изначальны*. Три возникающих отсюда служения – трудовое служение, воинское служения и служение знания – равно необходимы и равно почетны… Сам фюрер, и только он, есть сегодняшняя и будущая немецкая действительность и ее закон. Учитесь все глубже сознавать, что отныне любое дело требует решимости и любой поступок – ответственности… *Мартин Хайдеггер, Ректор*» [8; с. 26–27, 67]. Дарендорф дает такое объяснение мотивам «соблазнов несвободы»: «…банальное послушание, иногда – верность присяге, а чаще всего – обычный страх». К этому можно добавить – политические иллюзии и наивность.

Воля к свободе связана с желанием освободиться от власти инстинктов, от воли бессознательной. Но откуда берется воля к некрофилии и деструктивности? Э. Фромм заметил, что чем ниже уровень животного, тем в большей степени его приспособление к природе и вся деятельность определяется механизмами инстинктов. Ребенок после рождения еще долго сохраняет связь с матерью: материально (питание молоком), психически и духовно. Он искренне считает, что он – «центр мира». Но в какой-то момент возникает кризис, обнаруживается, что не все его желания мать выполняет, многое запрещает, контролирует. Следующий кризис связан с осознанием своей отдельности, индивидуальности и невозможности получить от окружающего мира то, на что претендуют его желания и потребности. Ему кажется, что никто его не понимает, не любит, он никому не нужен. Возникает выбор: или подчинить окружающих себе, или подчиниться.

Бегство от свободы обусловлено страхом ответственности за последствия свободных действий. Фромм указывал на такие способы «бегства от свободы»: 1) авторитаризм (садизм и мазохизм); 2)

разрушительность (в т. ч. зависть); 3) конформизм. Он выделял три варианта садистских проявлений. Первая реализуется в стремлении поставить других людей в зависимость от себя, подчинить их и приобрести над ними полную и неограниченную власть, превратить их в свои орудия и манипулировать их поведением. Второй тип не ограничивается приобретением власти, но стремится эксплуатировать и обкрадывать их (в материальном и духовно-интеллектуальном смыслах. Третий – выражается в запугивании, унижении, оскорблении, причинении страданий другим людям и получение удовольствия от этого.

Груз ответственности не каждый может вынести, другое дело, если кто-то снимет его с человека. В философии романтиков была предпринята попытка отрыва эстетического от нравственного, снятия ответственности с помощью иронии и игры. Это принцип использовал Гитлер, внушая своим приспешникам – «действуйте, а ответственность я беру на себя», и человек с готовностью становился палачом и убийцей. Другими средствами освобождения от груза ответственности служат алкоголь и наркотики. Так, украинские солдаты по приказу Зеленского шли в бой, предварительно приняв дозу наркотического дурмана и не думая об опасности и ответственности за совершаемые преступления.

Как заметил Э. Фромм, «человек – даже если он субъективно искренен – зачастую подсознательно руководствуется совсем не теми мотивами, которые сам он считает основой своего поведения: он может воспользоваться какой-либо концепцией, имеющей определенный логический смысл, но для него – подсознательно – означающей нечто совершенно отличное от этого “официального” смысла. Более того, мы знаем, что человек может пытаться устранить противоречия в своих чувствах с помощью идеологической конструкции или прикрыть подавляемую им мысль такой рационализацией, в которой выражается прямо противоположная идея» [21; с. 80)]. Влияние системы ценностей и убеждений не всегда осознается, но оказывает влияние на его поступки. Это мы называем «аксиологикой».

Эгоизм связан с завистью и комплексом неполноценности, заставляющим человека ограничивать круг потребностей и средств их удовлетворения. Как писал Э. Фромм, «эгоизм – это не любовь к себе, а прямая ее противоположность. Эгоизм – это вид жадности, и, как всякая жадность, он включает в себя ненасытность, в результате которой истинное удовлетворение в принципе недостижимо. Алчность – это бездонный, истощающий человека колодец; человек тратит себя в бесконечных стараниях удовлетворить такую потребность, которая не удовлетворяется никогда. Внимательное наблюдение показывает, что эгоист, хотя он всегда усиленно занят собой, никогда не бывает удовлетворен. Он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше» [21; с. 126–127].

Авторитаризм как садомазохистская форма бегства от свободы включает в себя и потребность подчинения «вышестоящему» носителю власти, и приобретения власти над «нижестоящими». Перед первыми он испытывает мазохистское наслаждение от «пресмыкательства», по отношению ко вторым – садистское удовольствие от их унизительного положения.

В процессе трансформации идентичности реализуется противоречивая программа свободного самоопределения, но в пределах стандартных форм, подражая которым подросток усваивает ценности референтной группы, сохраняя минимальную долю индивидуальности в самовыражении. Дж. Милль поддерживал идею В. фон Гумбольдта, что для развития индивида необходима личная свобода саморазвития и разнообразие положений. «Различные люди требуют и различных условий для своего умственного развития, и если, несмотря на свое различие, будут все находиться в одной и той же нравственной атмосфере, то не смогут жить здоровой жизнью, точно также как не могут все различные растения жить в одном и том же климате» [17; с. 347]. В защиту либерализма он приводил такое рассуждение: «Общей тенденцией, которая привела к тому, что мнение масс, состоящих из серединных людей, повсюду сделалось или делается господствующей властью, – этой тенденции должна, по-видимому, противодействовать все более и более резко обозначающаяся индивидуальность мыслящих людей. В такое время, как наше, более чем когда-либо, надо не запугивать, а напротив, поощрять индивидуумов, чтобы они действовали не так, как действует масса. В другие времена не было бы никакой пользы в том, чтобы индивидуум действовал не так как масса, если притом он не действовал лучше, чем масса; но теперь неисполнение обычая, отказ преклоняться перед ним, есть уже само по себе заслуга. Поэтому именно, что тирания мнения в наше время такова, что всякая эксцентричность стала преступлением, поэтому именно и желательно, чтобы были эксцентричные люди, – это желательно для того, чтобы покончить с этой тиранией» [17; с. 346].

В сознании человека взаимодействуют индивидуально-личные и общинные компоненты миросозерцания. Индивидуальное начало тянет его к свободе и независимости, общинное – к

зависимости и несвободе. Другой параметр человека – противоречие духовного и материального (биологического). Сущность жизни биологической заключается в индивидуальном и материальном. Начало смерти в человеке – это общинное и дух. Дух тоже стремится к свободе, но – от тела, чтобы слиться с духовной субстанцией, всеобщим Атманом, Богом. Несвобода духа имеет материальный смысл, несвобода тела – социальный. Третий параметр – сознательное и бессознательное. Субъект сознания – дух, он контролирует сознание, которое несвободно. Несвободно и тело, подчиняющееся материальным законам и волению духа. Несвободна душа, отдающая отчет духу о своих основных порывах. Но душа имеет иррационально-природные глубины, инстинктивные порывы коллективного бессознательного. Поэтому стремление к свободе становится смыслом жизни человека, и магия есть лишь средство увеличения его свободы

Французский юрист Этьен Ла Боэси в трактате «Рассуждение о добровольном рабстве» писал: «…Если жители какой-либо страны нашли такого выдающегося человека, который на опыте обнаружил большую прозорливость в деле охраны их, великую смелость в защите их и большую заботу в управлении ими, и если исходя из этого, они привыкают ему повиноваться и доверяют ему в такой мере, что предоставляют ему некоторые преимущества, то я сомневаюсь, благоразумно ли такое поведение, поскольку его снимают с места и назначают туда, где он может сделать зло. Но, разумеется, они не могут не проявлять благородства по отношению к нему и не могут бояться зла со стороны того, от кого до этого они видели только добро» [9; с. 9)]. Он полагал, что природа создала всех людей свободными и одинаковыми, чтобы вызвать отношения братства, но наделила некоторых людей способностями, дабы более умные и сильные могли помогать слабым. Но он считал, что они не должны злоупотреблять доверенной им властью, поскольку все люди по природе свободны, то «никого нельзя держать в рабстве, не причиняя ему вреда, и нет на свете ничего более противоречащего всегда разумной природе, чем несправедливость. Остается, следовательно, признать, что свобода естественна, и тем самым признать, по-моему, что нам от рождения свойственна не только свобода, но и стремление защищать ее» [9; с. 16)].

Ла Боэси писал, что животные не могут жить без свободы, но его мнению противоречит наличие одомашненных и приручённых животных. Правда, как подчеркивал орнитолог Дж. Даймонд, не все животные поддаются одомашниванию [7; с. 198–224)]. Как отмечал Ла Боэси, «существуют три рода тиранов: они приобретают власть над государством по выбору народа, другие – с помощью вооруженной силы, третьи – по наследству» [9; С. 17)].

Свобода, рассматриваемая как «цель в себе» без учета последствий ее применения, деструктивна, оторвана от ответственности. Именно такие формы свободы наиболее полно и последовательно пытались реализовать самые жестокие тоталитарные режимы XX в. Но необходимо учесть, что свободе противостоит причинность (см. таблицу 2).

Таблица 2

Причинность	***Спонтанность (свобода)***
Рациональность	Иррациональность
Пространство	Время
Движение	Изменение
Предопределенность	Произвольность
Равновесность	Неравновесность
Чувственно воспринимаемая (материальная) сфера	Умопостигаемая (виртуальная) сфера
Внеморальность	Ответственность
Контролируемость	Вероятность

Правильное понимание свободы связано *с отказом от попыток реализации полной свободы в физическом мире*, ибо чем больше свободы, тем тяжелее груз ответственности за нее. Не случайно слабые люди стремятся избавиться от свободы, продать ее повыгоднее, чтобы получить в обмен гарантированную безопасность и пропитание. Отсюда следует вывод, что *мера свободы определяется способностью и потенциалом ответственности за нее (*внешней и внутренней*).*

В то же время для понимания объективной свободы большое значение имеет понятие «бифуркации», введенное И. Пригожиным, которое обозначает ситуацию кризиса в состояниях космоса и перехода в новые процессы, причем совершается нечто, схожее с проблемой выбора, когда из нескольких возможных перспектив выбирается одна, и не вполне очевидны причины такого расклада обстоятельств и их последствий [19; с. 54].

Свободе придает смысл лишь достойная цель, иначе она бессмысленна, бесчеловечна и

деструктивна. Таким образом, свобода в материальном мире не может быть «целью в себе», это средство реализации достойной цели.

Гораздо больший потенциал свобода имеет в сфере духа, но и здесь она не абсолютна, ибо абсолютно свободен лишь Бог, человек же и в сфере духа и творчества должен отвечать за использование своей свободы. А что такое «достойная цель»? Это промежуточный этап в процессе реализации смысла жизни человека и смысла истории, направленного на преодоление энтропии, на культуротворчество.

Моральный долг есть внутреннее принуждение. По мнению Фихте, моральный долг – это «то, что человек должен, то и может». Он писал, что «свобода воли *должна* и *может* стремиться все более приблизиться к этой цели (полному равенству всех членов общества)» [20; с. 33]. При этом свобода «отрицательная» направлена на отрицание необходимости, а «положительная» – разумное взаимодействие с нею (табл. 3).

Таблица 3

Свобода как осознание необходимости	**Свобода как преодоление необходимости**
Сфера прошлого	Сфера настоящего
Материальная сфера	Духовная сфера
Сфера управления	Сфера творчества

Необходимость регулирования свободы правовыми нормами показывает Ш. Л. Монтескье: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане» [18; с. 137]. Он писал, что ни демократия, ни аристократия сами по себе не являются свободными. Гораздо более свойственна свобода умеренным политическим режимам, где не принято злоупотреблять властью. Хотя, как показывает вековой опыт, человеку свойственно злоупотреблять властью до тех пор, пока он не обнаружит предел своему злоупотреблению. Таким пределом он считал разделение и уравновешивание трех ветвей власти, каждая из которых контролирует другие. Монтескье понимал под свободой защищенность от произвола со стороны как других лиц, так и органов власти. И только законы могут гарантировать эту свободу.

Стремление приблизить реальную свободу к абсолюту деструктивно. Можно обнаружить ступени, степени свободы. Свобода может иметь отрицательное значение – как освобождение от чего-либо, и положительное – как «пустота», заполняемая смыслом.

Монтескье заметил, что у кочевников и оседлых народов (земледельцев) складывались не одинаковые формы правопорядка и свободы (государства и общества). Как известно, скотоводы-кочевники нуждаются в свободном существовании в большей степени, нежели оседлые земледельцы. Поэтому государства-империи, возникающие на Востоке, по необходимости используют жесткие меры для контроля за жителями этих огромных территорий, хотя сами жители воспринимают этот контроль без восторга, но не против поучаствовать в грабительских набегах на соседей. Напротив, крестьяне-земледельцы относятся к государству совсем иначе, более лояльно, готовы его терпеть, потому что ждут от него защиты от грабителей и внешних угроз от соседних государств. Вот почему нет необходимости жестких мер для государственного контроля за гражданами.

Монтескье указывал: «В стране с подходящей для земледелия почвой… усиливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска…» [18; с. 240]. С этим связана мысль о том, что «в Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и они разрезаны морями и горами на более крупные области… Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, что в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны» [18; с. 239]. Вероятно, дело связано, во-первых, с вольнолюбивым характером русского человека, которому невыносимо ощущать и терпеть насилие; во-вторых, хотя бюрократизм государственных чиновников — явление международное, но самым злейшим и зловредным бюрократизм (как утверждали М. Салтыков-Щедрин в своих произведениях, Е. Замятин в «Сказке о Фите», А. Платонов в «Городе Градове») был именно в России (как и в других странах Востока).

С точки зрения физики Космоса, равенство – это смерть, это энтропия, застой и утрата смысла. Жизнь, напротив, – это выявление и развитие различий, непохожего, нестандартного, нового,

оригинального. *Стремление втиснуть человека в рамки стандартов равенства – это проявление объективно-космического закона энтропии, ведущего к застою, смерти, хаосу и бессмысленности.* Вот чем чреват внешне красивый лозунг «равенства».

Выводы

Итак, источником движения и изменений является разность потенциалов. Если в одном месте энергия (или вещество) отсутствует или присутствует в малой степени, то из другого места, где имеется избыток энергии (или вещества), начинается перемещение в зону относительной пустоты. При этом не следует отождествлять движение и изменение. Движение есть перемещение в пространстве, изменения происходят во времени.

Право на свободу опирается на следующие условия:

– ответственность за свое тело;

– ответственность и долг перед семьей, обществом и государством за свою душу;

– ответственность и долг перед Богом за свое духовное саморазвитие и самоактуализацию.

Протагор утверждал, что «человек есть мера всех вещей», то есть мера свободы ограничена человеческими потребностями. В самом общем виде можно разделить все потребности на два класса: индивидуально-личные и общечеловеческие. Поэтому и меру свободы можно понимать в двух планах: индивидуально-личном и общечеловеческом. Мера первая связана с совестью и ответственностью индивида, вторая – с правовыми ограничениями.

Инициатива индивида, которую защищают либеральные программы, служит источником развития самого человека и общества. Однако, государство стоит на страже безопасности, стабильности, сохранения идентичности и важнейших традиций. В качестве границ свободы при этом можно указать на следующие:

– материально-причинные (дефицит энергии, финансов, собственности);

– социально-нормативные (власть, ответственность, мораль, равенство перед законом, культурные традиции);

– духовные (долг, совесть, воля, знания и мудрость).

Пространственной метафорой свободы может служить образ вихря, смерча. Пределы негативной, разрушительной свободы связаны с характером человека и его темпераментом (холерик с легкостью поддается соблазнам обрушить свой гнев на «козла отпущения»; сангвиник строит свои претензии к источникам своих проблем на основании взвешенных размышлений; флегматик принимает неприятности как объективные факты; меланхолик склонен винить себя в тех неудачах, которые его настигают). Мотивы такой свободы связаны с эмоциональными аффектами по поводу ущемления интересов и препятствиями на пути удовлетворения потребностей: обман, обида, зависть, месть, ревность, оскорбление, неуважение, игнорирование, несправедливость. Воля человека может тормозить влияние таких переживаний на поведение или, напротив, стимулировать их энергию и деструктивность.

На вопрос о предназначении свободы ответ может быть таким: мера свободы позитивной определяется такими качествами – мудростью, ответственностью, совестью, благородством, честью. Важнейшими мерами свободы являются – творчество и духовное самосовершенствование. Мера свободы не может быть универсальной, для разных субъектов (индивидуальных и групповых) она может быть разной. Нормативная уравнительность неизбежно вернет наше общество и государство к стагнации, какая тормозила нашу страну в социалистическую эпоху.

Под словом «мера» понимается предел, граница, масштаб, единица измерения, выбранная по соответствующему соглашению. В обществе на государство возложена ответственность за определение меры свободы, пространства свободы, предел возможного и должного поведения, чтобы свобода одного не нарушала право другого быть свободным. К сожалению, у государства всегда появляется соблазн уменьшить до минимума сферу свободы, чтобы гарантировать управляемость.

Биолог К. Лоренц обратил внимание на фундаментальный закон всего живого: противоречивое единство жесткости и пластичности, программы инстинктов и способности адаптироваться к изменениям природной среды. «Начиная с самых примитивных форм в царстве простейших, жесткие структуры служат столь же важным условием дальнейшей эволюции, как и пластичность органического. В этом смысле жесткая структура – такое же необходимое и всеобщее свойство живой материи, как и её пластическая свобода. Вместе с тем всякая жесткая структура, будучи необходимой основой органической системы, несет с собой и нежелательный побочный эффект: своей жесткостью она лишает систему определенной степени свободы» [16; с. 25). Перенося эти границы в сферу жизни

человека, можно полагать, что необходима относительно жесткая программа контроля и социально-нормированной традиции и некоторая пластичная свобода адаптивных инноваций в рамках контролируемого «коридора». Отсюда можно заключить: если свободы будет слишком много – это чревато ростом анархии и произвола; если меньше необходимого – стрессовое перенапряжение рано или поздно приведет к взрыву.

Меру ограничения (границ) свободы можно предложить на основе «золотой пропорции», имеющей процентное выражение 62 / 38 (62 % – традиции, консерватизм; 38 % – свобода, либерализм).

Известная формула «свобода есть осознанная необходимость» при анализе позволяет обнаружить параметры взаимосвязи необходимости и свободы (см. таблицу 4).

Таблица 4

Необходимость	***Свобода***
Потребность (вынужденность)	Сознательный выбор
Причинность (материальная)	Мотивированность
Прошлое+настоящее	Настоящее+будущее
Бессознательность и осознанность	Осознанность
Предопределенность (детерминизм)	Вероятность, произвольность
Подчинение объективное	Подчинение субъективное
Внеморальность объективная	Ответственность

Свобода – это необходимость и возможность, это *возможность* удовлетворять потребности на основе доступа к энергии, если нет энергии – нет свободы, то есть энергия – это условие свободы. В связи с этим возникает вопрос о мере и границах потенциала энергии, которые можно доверить государству для обеспечения безопасности. Еще одним условием является знание. Оно обращено в прошлое, незнание – в будущее. Сократ своей формулой «я знаю, что я ничего не знаю» – был устремлен в будущее.

Свобода не обусловлена причинами, побуждение к свободе имеет источники – инстинкты и волю. Право на свободу необходимо заслужить. Условия такого права: решительность, ответственность, дисциплина, моральный долг, правосубъектность, гражданство, необходимость, возможность.

Примечания

[1] Хал (араб. حال, мн. ч. **ахвал**) – в суфизме: чувства радости и тоски, покоя и стеснения, которые входят в сердца духовных «путников» (саликов). У мутазилитов хал – это «состояние предмета в определенный момент времени. Хал исходит от Аллаха и не зависит от усилий или практики самосовершенствования мистика. Хал может наступить в любой момент, а суфий не может отдалить от себя состояние хала, также как он не может сам ввести себя в это состояние».

Список дитературы

1. Аль-Газали Абу Хамид. Воскрешение наук о вере. — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — 378 с.

2. Бауман З. Свобода / З. Бауман. — М.: Новое издательство, 2021. — 204 с.

3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. — М.: Правда, 1989. — 608 с.

4. Васильев Н. А. Логика и металогика / Н. А. Васильев // Логос. 1912-1913. Кн. 1/2. С. 53—81.

5. Волков Д. Свобода воли: Иллюзия или возможность / Д. Волков. — М.: Карьера Пресс, 2018. — 368 с

6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 448 с.

7. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / Дж. Даймонд. — М.: АСТ, 2010. — 604 с.

8. Дарендорф Р. Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний / Р. Дарен-дорф. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 360 с.

9. Ла Боэси Э. де. Рассуждение о добровольном рабстве / Э. де Ла Боэси. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 202 с.

10. Левин Г. Д. Трактат о свободе / Г. Д. Левин. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. — 192 с.

11. Левицкий С. А. Трагедия свободы / С. А. Левицкий. — М.: Канон, 1995. — 512 с.

12. Липпс Т. Основные вопросы этики / Т. Липпс. — СПб.: Изд-во О. Н. Поповой. — 392 с.

13. Лоренц К. Кантовская концепция a priori в свете современной биологии / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 15—41.

14. Лосский Н. О. Свобода воли / Н. О. Лосский. — Paris: Ymka Press, 1927. — 181 с.

15. Лотце Г. Микрокозм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт ан-тропологии: В 3 ч. / Г. Лотце. — М.: Солдатенков, 1866. — Ч. 1. 509 с.

16. Лукасевич Я. О детерминизме / Я. Лукасевич // Логические исследования. Вып. 2. — М.: Наука, 1993. — С. 190—205.

17. Милль Дж. О свободе / Дж. Милль // О свободе: Антология западноевропейской класси-ческой либеральной мысли. — М.: Наука, 1995. — С. 288–392.

18. Монтескье Ш. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — 674 с.

19. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.

20. Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. / И. Г. Фихте. — СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. — 798 с.

21. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2006. — 571 с.

22. Чичерин Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. — СПб.: Наука, 2016. — 511 с.

References

1. Al-Ghazali Abu Hamid. The resurrection of the sciences of faith. M.: Nauka, GRVL, 1980. — 378 p. (in Russ).

2. Bauman Z. Freedom. M.: Novoye izdatelstvo, 2021. — 204 p. (in Russ).

3. Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. M.: Pravda, 1989. — 608 p. (in Russ).

4. Vasiliyev N. A. Logic and metalogic // Logos. 1912-1913. Book 1/2. pp. 53-81. (in Russ).

5. Volkov D. Freedom of will: Illusion or opportunity. M .: Karjera Press, 2018. — 368 p. (in Russ).

6. Humboldt V. Language and Philosophy of Culture. M.: Progress, 1985. — 448 p. (in Russ).

7. Diamond J. Guns, germs and steel: A history of human communities. M.: AST, 2010. — 604 p. (in Russ)

8. Dahrendorf R. Temptations of unfreedom. Intellectuals in times of trial. M .: Novoye Litera-turnoye Obozreniye, 2021. — 360 p. (in Russ).

9. La Boetie E. de. Discourse on voluntary slavery. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. — 202 p. (in Russ).

10. Levin G. D. Treatise on freedom. M.: Kanon+; ROOI "Reabilitatziya", 2009. — 192 p. (in Russ).

11. Levitskiy S. A. Tragedy of freedom. M.: Kanon, 1995. — 512 p. (in Russ).

12. Lipps T. Basic issues of ethics. St. Petersburg: O. N. Popova Publishing House. — 392 p. (in Russ).

13. Lorentz K. Kant's concept of a priori in the light of modern biology // Evolution. Language. Cognition. — M.: Yazyki russkoy kultury, 2000. — pp. 15—41. (in Russ).

14. Losskiy N. O. Freedom of will. Paris: Ymka Press, 1927. — 181 p. (in Russ).

15. Lotze G. Microcosm. Thoughts on the natural and everyday history of mankind. Experience of Anthropology: In 3 parts. M .: Soldatenkov, 1866. — Part 1. 509 p. (in Russ).

16. Lukasevich Ya. On determinism // Logical researches. Issue 2. — M.: Nauka, 1993. — P. 190-205. (in Russ).

17. Mill J. On Freedom // On Freedom: An Anthology of Western European Classical Liberal Thought. — M.: Nauka, 1995. — P. 288–392. (in Russ).

18. Montesquieu C. About the spirit of laws. — M.: Mysl, 1999. — 674 p. (in Russ).

19. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos. M.: Progress, 1986. — 432 p. (in Russ).

20. Fichte I. G. Works: in 2 volumes. St. Petersburg: Mifril, 1993. Vol. 2. — 798 p. (in Russ).

21. Fromm E. Escape from freedom. Man for himself. M.: AST, 2006. — 571 p. (in Russ).

22. Chicherin B. N. On the representation of the people. St. Petersburg: Nauka, 2016. — 511 p. (in Russ).

Pivoyev V. MEASURE AND BOUNDARIES OF FREEDOM // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2023. № 1. P. 9–21.

MEASURE AND BOUNDARIES OF FREEDOM

PIVOYEV Vasiliy

PHD in Philosophy,
Professor of the Department of General Law and Humanitarian Disciplines,
Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of Russia),
Petrozavodsk, Russian Federation, pivoev@mail.ru

Keywords:
freedom
measure
instincts
soul and spirit
morphology of freedom
will (motivation) to (bodi-ly and spiritual) freedom
measure and boundaries of freedom

Summary:
What encourages a person towards freedom and at the same time limits this will? Is it possible to speak of a measure of freedom, and if so, by what can it be measured? It may not be about rational quantitative measures, but about irrational axiological ones. This measure ranges from absolute freedom, fraught with anarchy and destructiveness, to complete submission and slav-ery, based on the awareness of the normative boundaries of necessity and possibilities: energy, legal, moral, deontological ones, etc. The quantitative measure of freedom can be determined on the basis of the “golden ratio”.